

болѣе досадными, что іер. Анатолій въ общемъ хорошо снаряженный писатель. Онъ знаетъ хорошо языки и литературу предмета. Онъ понимаетъ и цѣнитъ научныя приличія и все время старается держаться вблизи построеній лицъ, ученая репутація которыхъ стоитъ очень высоко. Онъ постоянно цитируетъ работы В. В. Болотова, Н. Н. Глубоковского, А. П. Дьяконова, П. К. Коковцова и сторонится ученаго богословскаго хлама. По многимъ другимъ признакамъ отъ автора можно было ожидать больше, чѣмъ есть въ его книгѣ. И жаль, что онъ отказывается вдаваться въ самостоятельныя изысканія и построенія, не даетъ изслѣдованія, а только монографію, которая, „ставитъ цѣлью попытаться подвести итогъ сдѣланному доселѣ въ области разработки источниковъ для исторіи сирійскаго монашества“.

И. Андреевъ.

O. Tafrali. *Thessalonique au quatorzième siècle.* Paris, Paul Geuthner, 1913. 8-о. А—G + XXVI + 312 pp.

За послѣднія десять — пятнадцать лѣтъ литература по исторіи Византіи обогатилась цѣлымъ рядомъ книгъ, написанныхъ учениками парижскаго византиниста Шарля Дили. Какъ самъ Диль и его старшій товарищъ по специальности акад. Г. Шлюмберже, такъ и ихъ ученики, слѣдуя по пути, указанному еще возобновителемъ византійскихъ штудій во Франціи Альфредомъ Рамбо въ его классической монографіи о Константинѣ Порфирородномъ, ставили своей задачей знакомить съ исторіей Византіи посредствомъ, такъ сказать, горизонтальныхъ разрѣзовъ въ ея многовѣковомъ прошломъ. Избирая одну какую-либо эпоху, по большей части одно царствованіе, они старались дать полную картину политическаго и культурнаго состоянія Византіи въ намѣченныхъ хронологическихъ рамкахъ. Таковъ отмѣченный блескомъ литературнаго изложенія четырехтомный трудъ Шлюмберже объ императорахъ Македонской династіи, таковы написанная на основаніи глубокаго изученія источниковъ монографія Шарля Дили „Justinien et la civilisation byzantine“ и работы его учениковъ, какъ напр., двухтомный трудъ Chalandon'a „Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène“ и „Les Comnènes: Jean et Manuel“, Pappadopoulos'a „Théodore II Lascaris“ и Vogt'a „Basile I-er, empereur de Byzance et la civilisation byzantine à la fin du IX-e siècle“.

Указанныя сейчасъ работы французской школы, главнымъ образомъ учениковъ Ш. Дили, наряду съ крупными достоинствами, заключающимися въ болѣе правильномъ и подробномъ изложеніи и освѣщеніи событій изъ области политической и придворной исторіи, чѣмъ это дѣлалось ихъ предшественниками, въ болѣе или менѣе полныхъ образахъ различныхъ сторонъ византійской культуры, т. е. церковно-религіозной жизни, образованности, искусства и т. п., — не лишены одного существеннаго недостатка: вопросы внутренней исторіи, какъ напр. орга-

низация управления, экономическія и соціальныя отношенія, или остаются въ сторонѣ, или излагаются не столь самостоятельно, какъ другіе отдѣлы. Въ значительной степени это зависитъ отъ того обстоятельства, что внутренняя исторія Византіи и до настоящаго времени остается мало разработанной. До сихъ поръ никѣмъ не написана исторія государственнаго строя Византіи, если не считать весьма краткихъ очерковъ, данныхъ Дилемъ въ его *Études byzantines* и Гельцеромъ въ *Byzantinische Kulturgeschichte*. При такихъ условіяхъ, когда не выяснено развитіе многихъ сторонъ внутренней исторіи Византіи, а относительно другихъ высказаны несогласныя мнѣнія, нуждающіяся въ критическомъ пересмотрѣ и провѣркѣ, весьма трудно описать внутренній строй Византіи въ опредѣленную эпоху, подчасъ бѣдную къ тому же источниками для внутренней исторіи. Безъ спеціальныхъ предварительныхъ работъ, излагающихъ развитіе и сущность каждаго института, изъ которыхъ слагается внутренняя исторія Византіи, автору монографіи объ одномъ царствованіи врядъ ли возможно выяснить на основаніи источниковъ, относящихся только къ избранной имъ для изслѣдованія эпохѣ, общій характеръ того или другого учрежденія, или подмѣтить его отличительныя черты въ данную эпоху, или, наконецъ, провѣрить правильность общепринятаго взгляда на него. Вотъ этимъ и объясняется, на нашъ взглядъ, то обстоятельство, что даже такой талантливый ученикъ Дили, какъ Vogt, описывая отдѣльныя стороны внутренней исторіи Византіи въ IX вѣкѣ, относительно мало даетъ новаго по сравненію со Скабалановичемъ, описавшимъ внутренній строй Византіи въ XI вѣкѣ, и дополняетъ его только въ подробностяхъ.

Отмѣченная особенность работъ младшихъ представителей французской школы проявилась и въ недавно вышедшей книгѣ г. Тафрала, заглавіе которой указано выше. Эта работа одного изъ учениковъ Ш. Дили посвящена исторіи Солуни въ XIV столѣтіи. Авторъ ставитъ своей задачей, излагая исторію этого крупнаго города, охарактеризовать вмѣстѣ съ тѣмъ и состояніе византійской имперіи въ XIV вѣкѣ, такъ какъ въ жизни Солуни отразились всѣ тѣ настроенія, которыя привели имперію къ гибели.

Содержаніе труда г. Тафрала слѣдующее. Предисловіе краткій очеркъ исторіи Солуни до XIV ст. (гл. I, стр. 1—14), онъ далѣе говоритъ о населеніи города и его окрестностей въ XIV в. (гл. II, стр. 15—44). Здѣсь Т. выясняетъ количество населенія, его національный составъ и соціально-экономическую группировку. Глава III (стр. 45—95) посвящена обзору административнаго строя Македонской оемы, въ составъ которой входила Солунь, описанію муниципальнаго устройства послѣдней, а также выясненію роли церковныхъ властей въ областномъ и городскомъ управленіи. Этимъ ограничивается содержаніе первой книги. Вторая книга (стр. 97—203) вводитъ насъ въ кругъ интере-

совъ, которые волновали солунянъ и которыми они жили въ XIV в. Гл. I (стр. 97—129) говоритъ о борьбѣ отдѣльныхъ группъ населенія на социальнo-экономической почвѣ; гл. II (стр. 130—149) характеризуетъ ихъ религіозныя потребности, останавливаясь подробно на распространенности почитанія мѣстныхъ святыхъ и особенностяхъ этого культа; гл. III (стр. 149—169) выясняетъ высоту культурнаго уровня солунянъ, указывая на состояніе науки, литературы и искусства въ этомъ городѣ; и, наконецъ, гл. IV (стр. 170—203) описываетъ волненія въ Солуни, вызванныя исихастами, и характеризуетъ отношеніе солунянъ къ поднятымъ тѣмъ вопросамъ.

Выяснивъ такимъ образомъ ту среду и тѣ условія, въ которыхъ протекала жизнь солунянъ, г. Тафрالی въ третьей книгѣ (стр. 205—288) своего труда переходитъ къ описанію главнѣйшихъ событій изъ исторіи Солуни въ XIV вѣкѣ. Здѣсь онъ излагаетъ послѣдовательно ходъ событій въ городѣ съ 1300 по 1342 годъ въ связи съ нѣкоторыми общеимперскими событіями, какъ напр. грабежи и безчинства каталонцевъ и борьба Андроника Младшаго съ Андроникомъ Старшимъ, къ которымъ Солунь не могла отнестись безучастно, такъ какъ они въ сильнѣйшей мѣрѣ задѣвали ея интересы (стр. 205—224). Потомъ г. Тафрالی подробно описываетъ (стр. 225—254) революцію, произведенную въ Солуни зилотами (1342—1349) и выясняетъ причины этой революціи, даетъ характеристику политической идеологіи зилотовъ и ихъ дѣятельности, какъ правителей города (стр. 255—272). Послѣдняя, четвертая глава этой книги (стр. 273—288) излагаетъ исторію Солуни послѣ пораженія зилотовъ въ 1349 году до перехода города въ руки турокъ въ 1430 году. Краткое заключеніе (стр. 289—291) имѣетъ цѣлью, обобщая главное содержаніе труда, указать на тѣ обстоятельства, которыя привели Византійскую имперію къ гибели и сдѣлали ее неспособной вести борьбу съ турками.

Паденіе Византіи, по мнѣнію Тафрالی, было обусловлено эгоизмомъ знати, притѣснявшей бѣдняковъ и вызывавшей этимъ послѣднихъ на протесты и борьбу, которые повергали государство въ состояніе анархіи, неспособностью правительства поступиться своекорыстными интересами знати, встать на защиту бѣдняковъ и такимъ образомъ устранить сильно ослаблявшую Византію социальную рознь, и вообще отсутствіемъ патріотизма у византійцевъ, который могъ бы ихъ побудить пожертвовать частными интересами для общаго блага и тѣмъ прекратить взаимныя раздоры, а также сплотиться для борьбы съ опаснымъ и сильнымъ врагомъ. Единственнымъ свѣтлымъ пятномъ на всей этой мрачной картинѣ является выступленіе зилотовъ, понявшихъ грозившую опасность и пытавшихся устранить ослаблявшую ихъ родину социальную рознь.

Мы не будемъ много останавливаться на этомъ объясненіи причинъ паденія Византіи, тѣмъ болѣе что оно было высказано для того, чтобы ярче отбѣнить значеніе и смыслъ неудавшейся попытки зило-

товъ выступить въ роли спасителей отечества. Если бы г. Тафрали принялъ на себя трудъ просмотрѣть податныя описи аеонскихъ монастырей (*πρακτικὰ*), то онъ убѣдился бы, что положеніе крестьянъ въ Солунской области, по крайней мѣрѣ на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, вовсе не было такимъ плохимъ, какъ это ему кажется. Во всякомъ случаѣ внутренняя исторія Византіи въ эпоху Палеологовъ не настолько намъ извѣстна, чтобы признать угнетенное положеніе низшихъ классовъ, главнымъ образомъ сельскаго населенія, главною причиною ея паденія. Болѣе внимательное и подробное изученіе государственнаго строя Византіи въ названную эпоху откроетъ намъ несомнѣнно рядъ другихъ обстоятельствъ, которыя дѣлали Византію неспособной сопротивляться натиску турокъ. Уже теперь можно сказать, что Византія въ XIV вѣкѣ представляла собой сильно феодализованную страну, все болѣе и болѣе распадавшуюся на отдѣльные обособленные хозяйственно и политически мірки, мало сознающіе взаимную связь и слабо подчиненные центральному правительству, а часто и совѣмъ нежелавшіе ему подчиняться. Далѣе, ростъ крупнаго землевладѣнія и щедрая раздача широкихъ привилегій (*ἐξουσιαστικά*) какъ церковнымъ, такъ и свѣтскимъ землевладѣльцамъ, а также городамъ, превращеніе служилыхъ земель (*πρόβολα*) въ вотчины тоже въ свою очередь усиливали процессъ раздробленія страны и уменьшали сильно тотъ земельный фондъ, доходами съ котораго могла содержаться значительная военная сила, столь необходимая для обороны государства. Дезорганизованная и ослабленная Византія не могла сопротивляться, хотя и невѣжественному, но сильному врагу и должна была пасть.

Возвращаясь къ книгѣ г. Тафрали, мы должны прежде всего отмѣтить, что для исполненія своей задачи онъ привлекъ большое число источниковъ и притомъ разнообразнаго содержанія. Мы замѣчаемъ у него тщательное изученіе историковъ, какъ напр. Кантакузина, Григоры, Дуки, Халкокондила и др., пользованіе памятниками юридическаго содержанія: Шестокнижіемъ Арменопула и другими, изданными Цахаріэ-фонъ-Лингенталемъ въ его *Jus graeco-romanum*, умѣлую выборку данныхъ изъ обширной литературы богословскаго и церковно-политическаго содержанія, какъ напр. бесѣдъ, монодій, похвальныхъ словъ, обличительныхъ трактатовъ и т. п.; данныя, сообщаемыя житіями святыхъ и письмами, тоже не оставлены имъ въ сторонѣ; онъ имѣлъ подъ рукою также документы изъ архивовъ аеонскихъ монастырей, изданные ред. Византійскаго Временника, и другіе опубликованные Миклопичемъ и Мюллеромъ, но, къ сожалѣнію, использовалъ ихъ далеко не въ достаточной степени. Кромѣ того Тафрали пользовался большимъ числомъ неизданныхъ источниковъ, найденныхъ имъ въ рукописяхъ Парижской Національной Библиотеки.

Обиліе источниковъ позволило г. Тафрали сообщить много новыхъ и интересныхъ данныхъ для исторіи Солуни въ XIV вѣкѣ. Въ особен-

ную заслугу надо поставить ему попытку изложить политическую идеологию зилотовъ на основаніи неизданной рѣчи Кавасилы: *Λόγος περὶ τῶν παρανόμων τοῖς ἀρχουσι ἐπὶ τοῖς ἱεροῖς τοῖσι μισομένων* (Париж. рки. № 1213, лл. 245—268). Тафрала, правда, имѣлъ предшественника въ этой области въ лицѣ Саэы (Documents inédits, t. IV, pp. XXV—XXVI), но далъ болѣе подробное изложеніе и притомъ свободное отъ архаизирующихъ тенденцій Саэы, желавшаго видѣть въ солунскихъ смутахъ XIV вѣка переживаніе борьбы аристократовъ съ демократами, происходившей въ греческихъ городахъ задолго до христіанской эры. Можно упрекнуть Тафрала только въ томъ, что онъ почти не выяснилъ вліянія идей византійскаго ренессанса на политическую программу зилотовъ, удовольствовавшись общимъ признаніемъ такого вліянія. Докладныя записки и проекты реформъ Гемиста Плиѳона и Виссаріона Никейскаго, хотя они и появились почти столѣтіемъ позже, все же отчасти помогли бы ему установить кругъ политическихъ и соціальныхъ идей, которыя исповѣдовали византійскіе гуманисты. Равнымъ образомъ трудно согласиться съ г. Тафрала, что движеніе зилотовъ имѣло ярко выраженный демократическій характеръ. Онъ самъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ отмѣчаетъ, что вождями зилотовъ являлись представители знатныхъ, что народная масса относилась къ нимъ на первыхъ порахъ враждебно. Симптоматичнымъ также является нейтральная роль въ солунскихъ смутахъ мелкой бѣржуазіи (*μέσοι*). Все это наводитъ на мысль, не были ли низы городского населенія простымъ орудіемъ въ рукахъ вождей, пользовавшихся ими для достиженія своихъ цѣлей. Въ дѣятельности зилотовъ, какъ это показываетъ изложеніе самого Тафрала, задачи политическаго характера, т. е. борьба со сторонниками Кантакузина, преобладали надъ соціальными, которыя къ тому же представляются весьма неясными. Нельзя же считать расхищеніе имущества противниковъ зилотовъ, не разъ производившееся солунской чернью во время смуты, мѣрою, имѣвшей цѣлью поднять имущественное благосостояніе городскихъ бѣдняковъ. Преобладающій политическій характеръ движенія зилотовъ, носившаго также сильно выраженный антиклерикальный отбѣнокъ, сказывается и въ томъ мѣропріятіи, въ которомъ г. Тафрала желаетъ видѣть реформу соціальнаго характера, именно — въ конфискаціи монастырскихъ и церковныхъ земель. Обширныя и свободныя отъ всякихъ повинностей монастырскія земли нужны были зилотамъ для раздачи въ пропіи стратіотамъ, чтобы усилить такимъ образомъ свою военную мощь, необходимую для борьбы съ противниками и для защиты города.

Слабѣ другихъ отдѣловъ труда г. Тафрала написана книга первая, посвященная населенію и управленію Солуни и Солунской области. Здѣсь невыгодно сказалась на соображеніяхъ автора относительно слабая разработка внутренней исторіи Византіи, о чемъ мы упомянули выше. Самъ же г. Тафрала отказался, въ виду понятныхъ трудностей, отъ самостоятельныхъ изысканій въ широкомъ масштабѣ, вслѣдствіе чего

ему при встрѣчѣ съ новыми терминами, неразобранными и необъясненными его предшественниками, приходится впадать иногда въ ошибки. Такъ, напр., едва ли возможно точно распредѣлить многочисленныя группы городского населенія по тремъ классамъ: знатные, средніе люди и народъ. Несомнѣнно, если въ основѣ дѣленія лежитъ имущественный принципъ, а не правовой, то найдутся такія семейства, а то даже цѣлыя группы, которыя могутъ занять низшее мѣсто, напр., въ классѣ знатныхъ и высшее въ классѣ среднихъ людей. Кромѣ того, такое распредѣленіе различныхъ группъ городского населенія по классамъ еще и по тому спорно, что основывается на однѣхъ догадкахъ автора: источники нигдѣ не даютъ намъ перечня этихъ группъ и не указываютъ, называя ту или иную группу въ отдѣльности, къ какому классу она относилась. Самъ Тафрالی замѣчаетъ, что, напр., адвокаты, врачи и представители нѣкоторыхъ другихъ либеральныхъ профессій съ точки зрѣнія занимаемаго ими въ городскомъ обществѣ положенія скорѣе принадлежали къ высшему классу, хотя онъ отнесъ ихъ къ среднему. Равнымъ образомъ ремесленники встрѣчаются у него среди представителей средняго класса и также низшаго. Чтобы отличить ремесленниковъ средняго класса отъ таковыхъ же, входившихъ въ низшій классъ, Тафрالی предполагаетъ, что первые располагали извѣстнымъ достаткомъ (*artisans jouissant d'une certaine aisance*). Но вѣдь это ни на чемъ основанная догадка самого автора! Можно оспаривать не только распредѣленіе отдѣльныхъ группъ населенія по классамъ, но и существованіе именно трехъ классовъ. Источники и притомъ болѣе авторитетные, какъ напр. Ома Магистръ въ своемъ трактатѣ *περὶ πολιτείας*, говорятъ о двухъ группахъ городского населенія: знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ (см. Tafrali, стр. 20, прим. 1), что болѣе согласно съ обычнымъ въ средніе вѣка дѣленіемъ городского населенія на патриціатъ и городскую массу.

Желаніе представить составъ городского населенія какъ можно болѣе разнообразнымъ доходитъ иногда у г. Тафрالی до крайней мѣры и вынуждаетъ его искать особое значеніе въ самыхъ простыхъ словахъ. Такъ онъ нашель, что классъ низшихъ людей состоялъ изъ *πένητες* и *πτωχοί*. Казалось бы трудно установить различіе по существу между этими двумя синонимическими выраженіями, обозначающими бѣдняковъ. Но г. Тафрالی доказываетъ, что *πένητες* это не то же, что *πτωχοί*.

Въ одномъ письмѣ Кидониса къ архіеп. Исидору онъ прочель: „могъ ли я ждать помощи отъ *πένητες*, которые вслѣдствіе жадности турокъ стали совершенно голыми (*ἂν παρὰ τῶν πενήτων λήψεσθαι προσεδόκησα, καὶ οἷς τῶν σωμάτων πλέον οὐδὲν λείπεται διὰ τὴν τῶν Τούρκων πλεονεξίαν*)“, а въ одной изъ бесѣдъ Паламы: „вотъ теперь не говорите: большинство изъ насъ *πτωχοί*, и къ чему тебѣ распространяться противъ сребролюбія передъ тѣми, кто не имѣетъ почти денегъ (*μὴ τοῖνον εἴπητε, πτωχοί ἐσμεν οἱ πλείστοι, καὶ τί κατὰ φιλαργυρίας λαλεῖς, ἐν τοῖς μὴ κε-*

κτημένοις σχεδὸν ἀργύριον)“). На основаніи этихъ чисто риторическихъ фразъ г. Тафрالی дѣлаетъ выводъ, что *πένητες* — люди, которые не имѣли совершенно никакого имущества (*ne possèdent absolument rien*), а *πτωχοὶ* имѣли таковое, правда маленькое, однако не настолько, чтобы погрязать въ нищетѣ (*un petit avoir, qui leur permettait de n'être pas complètement dans la misère*), да еще при этомъ серьезно замѣчаетъ, что со времени изданія новеллъ императоровъ македонской династіи, въ которыхъ тоже встрѣчаются *πένητες*, положеніе послѣднихъ значительно ухудшилось, такъ какъ въ X вѣкѣ *πένητες* имѣли *un petit avoir* и могли даже покупать небольшіе земельные участки.

Далѣе г. Тафрالی счелъ необходимымъ сказать о составѣ сельскаго населенія Солунской области и посвятилъ этому вопросу, однако, всего три страницы (35—37). Ничего новаго онъ здѣсь не сообщаетъ и довольствуется пересказомъ нѣкоторыхъ выводовъ и наблюденій Каллигаса и Цахаріэ-фонъ-Лингентала. Онъ еще дѣлаетъ нѣсколько разъ ссылки на работы Θ. И. Успенскаго и Б. А. Панченко, но въ разсмотрѣніе высказанныхъ обоими учеными несходныхъ мнѣній о формахъ землевладѣнія въ Византіи, а также относительно полноты имущественныхъ правъ париковъ, не входитъ, да и вообще этихъ вопросовъ не касается. Приходится пожалѣть, что г. Тафрالی совершенно оставилъ въ сторонѣ матеріалъ, который онъ могъ найти въ *Acta et diplomata graeca medii aevi* Миклошича-Мюллера и въ изданныхъ актахъ аеонскихъ монастырей, главн. обр. Зографскаго. Пересмотрѣвъ хотя бы только тѣ данныя, которыя относятся къ Солуни и Солунской области, онъ могъ бы сказать о землевладѣніи солунскихъ гражданъ, а также исправить и дополнить нѣкоторыя положенія, высказанныя Каллигасомъ и Цахаріэ-фонъ-Лингенталемъ.

Г. Тафрالی посвятилъ одну главу описанію организаціи управленія въ Солуни и Солунской области. Здѣсь прежде всего удивляетъ то, что онъ не принялъ во вниманіе ни бурныхъ событій, происходившихъ въ Солуни въ серединѣ XIV столѣтія, ни вообще тяжелаго положенія имперіи въ послѣднія полтора столѣтія ея существованія. Эти обстоятельства, несомнѣнно, отражались на обычной организаціи управленія и вызывали отступленія отъ послѣдней то въ видѣ расширенія правъ обычныхъ областныхъ правителей, то въ назначеніи имъ соправителей, то въ появленіи, наконецъ, властей революціоннаго происхожденія. Между тѣмъ г. Тафрالی эти перемѣны въ организаціи управленія оставляетъ какъ то въ сторонѣ. Такъ онъ, напр., только мелькомъ упомянулъ (стр. 50) о превращеніи Солунской области въ деспотатъ, не находя нужнымъ выяснять ни происхожденія и значенія этой реформы, ни роли и правъ деспотовъ въ управленіи. Равнымъ образомъ для читателя остается неяснымъ, какъ титуловался въ XIV вѣкѣ главный правитель Солунской области. Г. Тафрالی держится того мнѣнія, что онъ часто назывался *δοῦξ*, но ни одной цитаты въ доказательство своего

мнѣнія не приводить. Другіе указанные имъ титулы, именно *ἐπιτροπος* и *διοικητής*; встрѣчаются только у писателей, отнюдь не въ грамотахъ и выдаютъ этимъ свой книжный характеръ, такъ что сомнительно, чтобы такъ въ дѣйствительности именовались правители Солунской области въ XIV вѣкѣ. Тоже надо сказать и относительно титула *ἀρχων*, какъ слишкомъ общаго и неопредѣленнаго. Наконецъ, мнѣніе г. Тафрала, что правитель Солуни назывался иногда изъ пристрастія къ архаизмамъ *ἐπαρχος* или *ὑπαρχος*, основано на недоразумѣніи. Какъ видно изъ De officiis Кодина (ed. Bonn. p. 35) *ἐπαρχος* въ XIV вѣкѣ имѣлъ значеніе титула, чина, но не должности, и то лицо, которое имѣетъ въ виду Тафрала, именно Мономахъ, когда управляло Солунью, сохранило за собой придворное званіе или чинъ эпарха. Намъ кажется, хотя мы и не рѣшаемся на этомъ настаивать, что правитель Солуни со второй половины XIII вѣка сталъ называться *κεφαλή*. Въ 1266 году *κεφαλή Θεσσαλονίκης* былъ Константинъ Торникій, свойственникъ императора и севастократоръ, въ слѣдующемъ 1267 году Алексѣй Дука Нестонгъ, чашникъ (*πυκέρνης*), около 1320 г. Мануиль Ласкаръ, доместикъ западныхъ сколъ (Actes de Zographou, pp. 18, 20, 24; Actes de Chilandar, p. 131). Уже одни фамиліи и чины названныхъ лицъ убѣждаютъ въ томъ, что врядъ ли они, занимая должность *κεφαλή*, подчинялись еще кому-нибудь, кромѣ императора.

Кругъ дѣятельности и обязанностей правителя Солуни очерченъ г. Тафрала весьма подробно, хотя главнымъ образомъ на основаніи памятниковъ значительно ранняго времени, какъ напр. Эпанагоги и Синописовъ, большого и малаго. Лучше было бы, если бы авторъ предпочелъ держаться фактическихъ данныхъ, сообщаемыхъ современными документами и писателями. Съ нѣкоторыми изъ его замѣчаній трудно согласиться. Такъ онъ утверждаетъ, что областные правители въ XIV вѣкѣ располагали настолько обширной властью, что могли даже жаловать привилегіи подчиненнымъ имъ городамъ, подъ условіемъ послѣдующаго подтвержденія со стороны императора. Въ указанной г. Тафрала грамотѣ, однако, говорится о передачѣ нѣсколькихъ имѣній городу и отдѣльнымъ гражданамъ Янины, произведенной Сиріоанномъ Палеологомъ, которую имп. Андроникъ въ своемъ хрисовулѣ соглашается признать дѣйствительной. О пожалованіи привилегіи здѣсь нѣтъ ни одного слова. Одно изъ условій договора, заключеннаго Кантакузиномъ съ генуэзцами въ 1348 г. относительно обладанія Хіосомъ (Cantac. ed. Bonn. l. IV, c. 12, p. 82), именно: право вывѣшивать флагъ или знамя византійскаго императора въ главномъ городѣ острова, отданнаго на десять лѣтъ во владѣніе генуэзцамъ, что должно было означать, разумѣется, сохраненіе суверенныхъ правъ императора на Хіосъ, — даетъ основаніе г. Тафрала заявить, что въ Солуни правитель имѣлъ пребываніе во дворцѣ, на которомъ развивался императорскій штандартъ. Столь же основателенъ другой выводъ, сдѣланный г. Тафрала

изъ словъ *ἀλλήτης Θεσσαλονίκης*, имѣющихся въ легендѣ одного моли-вдовула неизвѣстнаго времени. На основаніи упомянутыхъ двухъ словъ онъ находитъ возможнымъ говорить, что солунскій правитель въ случаѣ приѣзда императора въ Солунь слѣдилъ за соблюденіемъ придворнаго церемоніала, пользуясь помощью со стороны авлита, котораго г. Тафрала тоже превращаетъ въ *chambellan du palais de Thessalonique* безъ какихъ-либо доказательствъ.

Характеристикѣ организациі Солуни въ военномъ отношеніи отведена всего одна страница (58). Авторъ, повидимому, и не знаетъ о существованіи такого важнаго института, какъ пронія; во всякомъ случаѣ онъ не обмолвился о ней ни однимъ словомъ. Работы Θ. И. Успенскаго и В. Г. Васильевскаго о византійской проніи тоже нигдѣ имъ не упоминаются. Равнымъ образомъ г. Тафрала въ своемъ обзорѣ военнаго устройства Солуни ничего не говоритъ объ *ἀλλάγιον*. Онъ упоминаетъ, правда, о немъ въ прим. 1 на стр. 53 своего труда, но считаетъ *ἀλλάγιον* учрежденіемъ, вѣдавшимъ почтовыми сообщеніями, и въ этомъ смыслѣ объясняетъ выраженія документовъ: *ὁ ἀπὸ τοῦ μεγάλου Θεσσαλονικαίου ἀλλαγίου Ν* или *ὁ Ν*, *ὁ ἀπὸ τοῦ μεγάλου ἀλλαγίου τῶν Θεσσαλονικέων*. Между тѣмъ какъ уже въ 1648 году Гоаръ въ своихъ добавленіяхъ къ комментарию Гретсера къ Кодиону (Codinus, ed. Bonn., p. 200) вполне убѣдительно доказалъ, что *ἀλλάγιον* равно по значенію *λόχος* и должно быть понимаемо въ смыслѣ *agmen, turma, acies*, т. е., добавимъ отъ себя, употребляется для обозначенія военнаго отряда. Кромѣ того, въ томъ же самомъ документѣ, откуда г. Тафрала почерпнулъ свѣдѣнія о правѣ областныхъ правителей жаловать привилегіи городамъ, онъ могъ бы двумя страницами выше прочесть нижеслѣдующія слова, не оставляющія сомнѣнія въ томъ, что *ἀλλάγιον* обозначаетъ отрядъ, военную единицу: *ἔτι ἵνα αὐτοὶ οἱ καστρηνοὶ Ἰωαννινῶται οὐδὲν καταναγκάζονται οὐδὲ καθέλκονται, ἵνα ἐκδουλεύωσι στρατιωτικῶς ἐκτὸς τῆς τοιαύτης πόλεως, ἐπεὶ αὐτοὶ μόνοι οἱ ἀποστειγαμένοι στρατιῶται, συναριθμούμενοι δὲ εἰς τὰς συντάξεις τῶν ἀλλαγίων καὶ ἔχοντες οἰκονομίαν ὀφείλουσιν ἐκδουλεύειν* (Miklosich-Müller, Acta et diplomata graeca, v. V, p. 81). Слѣдовательно, приведенныя выше выраженія документовъ въ родѣ: *ὁ ἀπὸ τοῦ μεγάλου Θεσσαλονικαίου ἀλλαγίου Γαζῆς*, должны означать: Газиль, воинъ большого солунскаго отряда, полка — скажемъ къ примѣру. Михаилъ Атталіота въ своей исторіи (ed. Bonn. p. 149) сообщаетъ, что въ XI вѣкѣ существовалъ отрядъ царскихъ тѣлохранителей, такъ сказать конвой его величества, который тоже назывался *ἀλλάγιον*: *καὶ γὰρ ἐν ταῖς προηγησαμέναις μάχαις οὐ τοσαύτη περιέστη τοῖς Ῥωμαίοις ἀνάγκη μετὰ τοῦ βασιλέως, ὥστε καὶ τὴν αὐτοῦ μοῖραν, τὸ λεγόμενον συνήθως ἀλλάγιον, διακινδυνεύσαι καὶ πόλεμον ἀγωνίσασθαι*.

Немного также сказано г. Тафрала о финансовой организациі и податныхъ отношеніяхъ въ византійской имперіи. Перваго вопроса

онъ касается на стр. 59—61 своего труда. Здѣсь онъ только указываетъ тѣхъ чиновниковъ, которые вѣдали податнымъ обложеніемъ, т. е. составляли податныя описи и вѣдали подати и другіе сборы. Но въ подробности самой техники обложенія г. Тафрала не входятъ: онъ, напр., ничего не говоритъ о содержаніи податныхъ описей, не указываетъ, что являлось единицей податнаго обложенія; равнымъ образомъ ничего не говоритъ о характерѣ и размѣрахъ таможенныхъ и торговыхъ сборовъ и не упоминаетъ о правѣ беспошлинной торговли, предоставлявшемся нѣкоторымъ лицамъ въ видѣ привилегіи. Спорнымъ является категорическое утвержденіе г. Тафрала, что всѣ финансовыя должности были покупными. Онъ основываетъ свое утвержденіе на одномъ текстѣ Григоры (у Тафр. стр. 61, прим. 3); но тамъ говорится о сборщикахъ податей (*τελωνια και φορολβοι*), должности которыхъ или вѣрнѣе право сбора податей въ округѣ или на пристани брались на откупъ. Что же касается составителей податныхъ описей (*ἀπογραφεῖς*), которые въ финансовой организаціи занимали несравненно большее мѣсто, то являлись ли ихъ должности покупными и занимались ли эти чиновники сборомъ податей, въ чемъ не сомнѣвается г. Тафрала, — это требуетъ еще разысканій.

О податяхъ, взимавшихся съ сельскаго населенія, г. Тафрала очень кратко говоритъ на стр. 110. Приходится пожалѣть, что онъ не потрудился просмотрѣть хотя бы льготные хрисовулы и податныя описи, которыя онъ могъ найти въ изданіи Миклошича и Мюллера, а также въ сборникахъ аеонскихъ грамотъ, и на основаніи ихъ составить перечень сборовъ и выяснить значеніе нѣкоторыхъ неясныхъ терминовъ. Для этой цѣли онъ могъ бы воспользоваться статьёй В. Г. Васильевскаго „Матеріалы для внутренней исторіи Византіи“, извѣстной г. Тафрала и упомянутой имъ въ списокъ своихъ пособій. Въ статьѣ русскаго академика этотъ перечень уже данъ: г. Тафрала оставалось бы только пополнить его, можетъ быть также исправить на основаніи новыхъ данныхъ, а самое главное разсмотрѣть въ примѣненіи къ Солуни и Солунской области; тогда бы выяснилось, усилилось или уменьшилось налоговое бремя въ имперіи въ XIV столѣтіи. Между тѣмъ г. Тафрала счелъ достаточнымъ кратко заявить, что сборовъ было много и что всѣ они распадаются на три группы: государственныя, военныя и парическіе сборы. Эта классификація сборовъ, однако, не принадлежитъ г. Тафрала: она заимствована имъ у Б. А. Панченко, который изложилъ ее мимоходомъ и въ видѣ предположенія, тогда какъ г. Тафрала, не производя провѣрки и не приводя никакихъ основаній, считаетъ ее безспорной и общепринятой.

Въ параграфѣ, посвященномъ описанію муниципальнаго устройства Солуни, странно читать, что весьма трудно опредѣлить, въ чемъ заключались привилегіи Солуни. По мнѣнію г. Тафрала, можно одно только утверждать, именно, что этотъ городъ обладалъ правомъ издавать соб-

ственные законы (стр. 68). Однако, привилегіи Солуни можно было бы выяснитъ по аналогіи съ извѣстными намъ привилегіями Яннины и Монемвасіи (Miklosich-Müller, Acta et diplomata graeca, v. V, pp. 78—84 et pp. 165—168), потому на основаніи прямыхъ указаній на привилегіи солунянъ въ актахъ Зографскаго монастыря, а также на основаніи содержанія петиціи солунянъ, представленной Мануилу, сыну Іоанна Кантакузина, о которой сообщаетъ намъ самъ Кантакузинъ въ своей исторіи (Cantac., ed. Bonn. I. III, с. 94, р. 574); о ней упоминаетъ и г. Тафрالی на стр. 243. Сущность петиціи сводилась къ требованію для горожанъ полнаго освобожденія отъ уплаты податей. О податныхъ льготахъ, предоставленныхъ солунянамъ, говорятъ и акты Зографскаго монастыря. Больше, правда, мы ничего не знаемъ о привилегіяхъ солунянъ. Но допустимая аналогія съ привилегіями Яннины и Монемвасіи позволяетъ высказать предположеніе, что Солунь пользовалась нѣкоторой долей самоуправленія и торговыми льготами. Во всякомъ случаѣ изъ сказаннаго ясно, что привилегіи Солуни могли сводиться къ податнымъ льготамъ и, можетъ быть, къ самоуправленію. Но о правѣ Солуни издавать собственные законы намъ не говоритъ ни одинъ источникъ.

Г. Тафрالی идетъ еще дальше: онъ сообщаетъ намъ подробности объ этихъ мѣстныхъ законахъ, въ которыхъ излагались привилегіи Солуни. Правда, въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ руководителя въ лицѣ Сааы, мысли котораго онъ и повторяетъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями (ср. Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce, t. IV, Préface p. XXVII и Tafrali p. 69). По мнѣнію Тафрالی въ Солуни мѣстные законы были двоякаго рода: *νόμος οἰκιστῶν*, который Тафрالی понимаетъ, какъ *loi des habitants ou des propriétaires*, а Сааа переводитъ, какъ *loi des fondateurs*, и 2) *νόμος ἀποικιστῶν*, по Сааѣ *loi coloniale*, по Тафрالی то же, но другими словами: *loi des villes et des terres dépendantes de Thessalonique*. Откуда Сааа заимствовалъ свѣдѣнія о такихъ законахъ, имѣвшихъ силу въ Солуни, — неизвѣстно. Онъ заявилъ только, что указанія на эти законы не разъ встрѣчаются въ неизданной рѣчи Кавасилы, однако ни одной цитаты, подтверждавшей бы его слова, не привелъ. Г. Тафрالی, повидимому, пытался разыскать эти мѣста, но несовсѣмъ успѣшно. Относительно *νόμος τῶν οἰκιστῶν* онъ приводитъ коротенькую выдержку изъ Кавасилы такого содержанія: *αἰδεῖσθαι τοὺς νόμους τῶν οἰκιστῶν* (стр. 69, пр. 1). На основаніи этихъ словъ можно только судить, что Кавасила говоритъ о почтеніи къ законамъ *τῶν οἰκιστῶν*, а кого разумѣть подъ послѣдними, изъ краткой цитаты не видно. Во всякомъ случаѣ не правъ г. Тафрالی, полагая, что *οἰκιστῆς* значитъ собственникъ (*propriétaire*) или обитатель (*habitant*); правильно переводитъ это слово Сааа *fondateur*, такъ какъ *οἰκιστῆς* значитъ, прежде всего, основатель города, колоніи, потому вождь колоніи, строитель. Вѣроятно Кавасила, полемизировавшій въ

своей рѣчи съ зилотами, говоря о *νόμοι τῶν οἰκιστῶν*, имѣлъ въ виду исконный укладъ жизни, созданный строителями византійской государственности и закрѣпленный существующими государственными законами, которые, по его мнѣнію, нарушили зилоты своими поступками. Иначе, какая надобность была Кавасилѣ, чтобы осудить отобраніе монастырскихъ имуществъ и нарушение воли благочестивыхъ жертвователей, отказывавшихъ по духовнымъ завѣщаніямъ свое имущество церкви, взымать къ законамъ, установленнымъ еще основателями Солуни.

Что же касается *νόμος τῶν ἀποικιστῶν*, то и въ приведенной г. Тафрالی на стр. 69 цитатѣ и въ другихъ многочисленныхъ выдержкахъ изъ рѣчи Кавасилы, помѣщенныхъ на стр. 261—272, такого выраженія не встрѣчается. Говорится иногда только объ *ἀποικοὶ πόλεις*, связанныхъ въ томъ или иномъ отношеніи съ Солунью. Поэтому подъ *ἀποικοὶ πόλεις* надо разумѣть маленькіе города, входившіе или въ составъ Солунской епархіи, или Солунскаго церковнаго округа. Г. Тафрالی, по-видимому, это самъ признавалъ, потому что опредѣлилъ содержаніе *νόμος τῶν ἀποικιστῶν* такъ: elle paraît être, en effet, une loi qui concernait l'administration du diocèse (p. 69). Но если этотъ *νόμος* относился къ управленію церковно-административнымъ округомъ, то онъ не могъ быть мѣстнаго происхожденія, такъ какъ порядокъ управленія епархіями опредѣлялся церковными канонами и постановленіями патріаршаго синода. Кромѣ того, мы уже видѣли, что и само существованіе *νόμος τῶν ἀποικιστῶν* является болѣе чѣмъ сомнительнымъ, такъ какъ ни одинъ источникъ о такомъ *νόμος* не говоритъ. Поэтому попытку Саэы и Тафрالی опредѣлить виды и содержаніе муниципальных законовъ Солуни приходится признать неудавшейся.

Заканчивая свой разборъ труда г. Тафрالی, мы должны признать, что несмотря на отмѣченные недочеты и ошибки, его книга солидною содержаніемъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ, написанныхъ съ большимъ знаніемъ дѣла и часто по новымъ даннымъ, обезпечить себѣ видное мѣсто въ исторической литературѣ. Г. Тафрالی изложилъ намъ одну изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи поздней Византіи, и за это одно всякій византинистъ скажетъ ему большое спасибо.

П. Яковенко.